

МОСКВА — НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ. МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

К тому же, эти же группировки опирались на известные лозунги. Например, «Превратим Москву в образцовый коммунистический город». Какой прекрасный лозунг! Но во что он превратился? На деле столица наша стала полигоном для тех архитекторов, которые (за исключением считанных десятков памятников) всю остальную Москву еще при обсуждении Генплана 1935 года объявили не имеющей художественно-исторического значения. Были времена, когда заправляли даже реставрировать памятники архитектуры и требовалось дожидаться их естественного разрушения.

И в расцвете творческих сил, и другие. В. Тьдман вел картотеку разрушений в Москве. И на своей могиле просил написать: «Здесь лежит литовец, отдавший жизнь за спасение памятников русской культуры».

Я помню, когда в Ленинграде был съезд по охране памятников нашей культуры. Конечно, В. Тьдман не попал в число делегатов. Съезд проходил в Таврическом дворце. У входа стоял милиционер, проверявший пропуск. Я помню, как озорно, по-мальчишески вспыхнули глаза старого «викинга», как мы его называли. «Я им сейчас что-то покажу», — сказал он. Оторопевший милиционер дол-

АПУ. Или вспомнить книгу В. Промыслова о реконструкции Москвы, с напечатанным на обложке проектом, предполагающим создание огромного водохранилища перед Кремлем. (Комментарии, полагаю, излишни).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ образ Москвы, с моей точки зрения, зависит от того, как будут решены две главные проблемы. Первая — максимальное восстановление архитектурных памятников, хотя бы в пределах Садового кольца, что составляет всего лишь два процента территории Москвы. Вторая проблема — современная «архитектура» должна перестать стро-

рьки. Это то же самое, что на мушкетера надеть милицейское галифе и пилотку современного солдата. Настоящее издевательство совершено, например, над зданием, занятым Министерством мелиорации и водного хозяйства, напротив Военторга. К XVIII веку, извините за резкость, «присобачен» козырек, и красуется омерзительная из речек дверь. Где же элементарная культура строителя и понимание архитектурного облика здания?

Взгляд на новую архитектуру — для Москвы, в частности, — должен быть изменен радикально. Сколько бы раз проецировали московских коробок ни повторять, что они зодчие, это вызывает лишь горькую усмешку. На мой взгляд, во многом утеряны основа и традиции великой школы архитектуры, которая вписала свое огненное слово в историческую жизнь нашего государства.

Речь идет, очевидно, о перестройке принципиальных основ архитектурного мышления, национальных традиций у создающих новую среду, где должны жить наш современник и наши потомки. Представьте, что вместо балета Большого театра мы завели класс аэробики. Такова современная архитектура, как, впрочем, и во многих других странах, где победили идеи вышеназванной идеологии «культуры» двадцатых годов, а точнее, антикультуры. Потому что культура — это традиция. Забвение традиций — это и есть антикультура как всепоглощающая тенденция.

Нельзя все списывать в ошибки. Кто-то, виновный, должен и ответить за эти ошибки, чтобы другим неповадно было. Отметен в то же время процесс возрождения глубокого интереса к принципам национального мышления в архитектуре, сформировавшийся в конце XIX — начале XX века. А движение это преступно и глумливо назвали псевдорусским. В нем были таланты разной величины, но, бесспорно, это было новое слово в отечественной архитектуре. Однако возрождению этому дорога была перекрыта. Представители волны мощного возрождения самобытности наших архитектурных образов в 20-е годы сменили авангардисты и конструктористы. И мы и по сей день уважительно говорим о неоготическом, неороманском стиле в европейских странах, а свой новорусский стиль в архитектуре презрительно называем псевдорусским. В то же время — нельзя же черный квадрат К. Малевича считать произведением высокого духа и культуры. Почему тогда не считать знаки уличного движения знаками высокой культуры?

Я НЕ ХОТЕЛ бы, чтобы наши молодые архитекторы были обмануты и обворованы поколением. Я бы хотел, чтобы прогрессивные силы современной архитектуры нашли возможность преодолеть унылый штамп, навязанный нам разрушителями культуры, и осознать, как работать дальше. Хотелось бы специально поговорить об учебном процессе наших архитектурных институтов. Сколько времени уделено на изучение национальной архитектуры нашего народа, как понимается традиция и творчество сегодня?

Я бы хотел, чтобы был объявлен конкурс на будущую застройку Москвы (и других исторических городов нашей страны). Как и миллионы моих сограждан, я бы хотел, чтобы это стало предметом международного обсуждения. Иначе говоря, нужен открытый конкурс на современный Генплан столицы. И нужно обязательно привлечь к этой работе поколение молодых архитекторов.

Уважение к традиции, влюбленность в культуру своего народа, несогласие с тем, что столицы Европы построены ослами, бунт против унылых «машин для жилья», понимание истинных задач градостроительства как среды, достойной нашего времени, понимание того, что интернационализм есть соединение, букет национальных культур, а не унылый штамп, кем-то названный современным, — все это залог роста творческих потенций нашей архитектуры, славы своим великим прошлым. И я, как и многие, хотел бы верить, что наши архитекторы, преодолев искусственные барьеры, выйдут на широкую дорогу творчества XX века, ведущую в век будущий, что они смогут встать с колен повседневно.

ВСТАТЬ С КОЛЕН ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Илья ГЛАЗУНОВ, народный художник СССР

Говорить о том, что такое историческая память, в наши дни, значит, говорить о будущем. Это значит — говорить о нашей ответственности перед потомками за нашу великую культуру. И хотя существует закон об уголовной ответственности за разрушение памятников, мы не знаем ни одного примера, когда бы он был применен. Не пора ли обсудить с этой позиции деятельность разрушителей нашей столицы?

Почему с путеводителем, изданным до первой мировой войны, можно приехать в Париж, в Лондон и узнавать страну, ее культуру? Почему же в Москве (да и в других городах) до сих пор нет достойных путеводителей, достойной историко-краеведческой литературы? А те издания, которые выходили или выходят ничтожным тиражом, становятся сразу библиографической редкостью.

...Зато останутся навсегда в нашей памяти так называемые линии Генплана столицы от 1935 года. Их то отменяют, то не отменяют. Но широкая общественность об этом ничего не знает. Какова история этих красных, как кровь, линий Генплана? С севера, юга и запада столицы эти линии должны были сойтись в одном месте. В том месте, где взамен великолепного храма Христа Спасителя (архитектор К. Тон) хотели поставить гигантское сооружение. Проведенные безжалостной рукой к сердцу Москвы, где ныне находится бассейн для трудящихся, красные линии носили все, что попадало на их пути. Я помню, как историк, реставратор, архитектор П. Барановский, ныне покойный, рассказывал, что И. Грабаря и его вызвали в Моссовет и попросили быстро составить перечень самых выдающихся памятников зодчества в Москве. Но голос разума, к сожалению, так и не был услышан. На сегодня потери памятников старины исчисляются сотнями. Напомню только одну. К примеру, церковь Успения на Покровке. Ф. Достоевский говорил, что эта церковь — из лучших памятников всемирной архитектуры. Наполеон около нее выставлял охрану, чтобы спасти от пожара. Над входом в нее надписи были: «Входящий удивись — дело рук человеческих». Еще при В. И. Ленине в честь строителя «Петрушки Потапова» переулком, где стояла церковь, стал называться Потаповским. И называется так до сих пор. А памятник уничтожен. Был на этом месте пивной ларек. Потом — овощной. А потом ничего...

РЕДКО отдается должное тем, кто долгие годы пытался противостоят неразумному сносу. Святые имена патриотов, исполненных гражданского служения Родине, мы должны помнить и беречь, сохранять в памяти народной. Это старый коммунист, давно покойный, Вячеслав Петрович Тьдман, художник Александр Алексеевич Коробов, реставратор Антропов, Алексей Артемьев, ныне здравствую-

го разглядывал желтую от старости бумажку, которую ему подал Тьдман, в растерянности сказал: «Сейчас позову начальника охраны». Я заглянул через плечо милиционера. Увидел, запомнил опечатанное на старой машинке слово «Удостоверение», выданное товарищу Тьдману, и последнюю фразу: «Пропускать всюду. Ульянов-Ленин». Владислава Петровича пропустили в зал, где он занял свое место, выделяясь среди делегатов элегантно, подтянуто и красочно белоснежного пробора волос.

Его друг говорил мне, что после смерти Тьдмана исчезла картотека разрушений Москвы. И многие об этом знали. А тогда, на съезде, сидя рядом со своим другом, художником Александром Коробовым, обращаясь ко мне через плечо, он шепотом сказал: «Я счастлив, что многие молодые продолжают наши идеи охраны памятников — они принадлежат всему человечеству, это глубоко интернациональная деятельность».

...Было время, когда нас, защитников памятников Москвы, пытались дискредитировать, как мешающих строить коммунистический город! Трудные были времена. Когда Н. С. Хрущев порвал письмо нашей интеллигенции об охране памятников Москвы и сказал, что людям жить негде, а вы, мол, тут о каких-то памятниках печетесь, такие мужественные люди, как Михаил Иванович Котов, секретарь Советского комитета защиты мира, Василий Дмитриевич Захарченко, Галя Владимировна Алферова, Кира Рожнова, пошли на встречу мне, тогда еще не члену Союза художников. И приняли участие в создании секции по охране памятников при Советском комитете защиты мира. В нее вошли такие ученые, как профессор Николай Васильевич Воронин, Петр Петрович Ревякин, Игорь Васильевич Петрянов-Соколов, и другие. Из актива этой секции выросло потом Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Правда, со временем, это общество подрастеряло авторитет и влияние. Так, например, у него отняли право коллективного членства. А это деньги с предприятий, нужные для поддержания памятников, отняли комбинат, хорошо, что сейчас, как я слышал, принимается решение его восстановить. И все — из-за тех архитектурных и политических лидеров, которые рассматривали это общество, как помеху, как какой-то казус. Не хотели понимать, что мы, выиграв одну из самых страшных войн человечества, защищали Москву, а не защищали населенный пункт, построенный М. Посохинным и его соратниками.

А если вспомнить, как ГлавАПУ печатало в своей многотиражной газете, на страницах, посвященных реконструкции столицы, такие статьи, как, например, «Направление главного удара», и другие ей подобные?.. Давно пора обнародовать эту газету мозгового треста прежнего руководства Глав-

ить «машины для жилья» (Корбюзье), вернуться к самобытным истокам русского национального мышления и уйти в строительство от коробок-домов для «служебного человека» (М. Гинзбург, Корбюзье и др.). Зодчие, как любил себя называть современные строители, должны вернуться к образному мышлению в создании среды, достойной нашего времени. Как далеко ушло от истинных принципов архитектуры современное строительство, выдаваемое за архитектуру! И как оно дорого стоит!

Пример решения первой проблемы нам дают варшавяне, когда после тотального разрушения во время войны польской столицы они восстановили Старо Място, «алтарь отечества». Аналогичные примеры — и в других странах мира, и в наших республиках. Развитие Москвы невозможно без столь же бережного и глубокого восстановления того оставшегося, что мы называем старым в Москве. Нужно не сносить, а научиться реставрировать, как делают это в Прибалтике. Мы все за развитие нашей национальной живописи. Но никто не говорит, что ради идеи развития или определенных достижений надо смыть холсты Сурикова, Репина, Леонардо, Рембрандта и других художников прошлого и отдать их современным мастерам. Разве это выход из положения?

Как восстанавливать? Думается, не так, как Арбат. Народ правильно говорит, что это подкрашенный покойник или «офонаревший» Арбат. Эти фонари, столь чуждые кварталам Старого Арбата, хранящего память А. Пушкина и многих других деятелей русской культуры, своей современной буфонной в сочетании с бетонными надолбами, где стоят кладбищенские цветочки, вызывают недоумение москвичей и даже гостей столицы. Прямо голливудская деревня!

Так нельзя относиться к реставрации, потому что безграмотная реставрация столь же чудовищна, как и разрушение. Нужно создавать достаточное количество полноценных реставрационных предприятий. И почему не хозрасчетных? Для многих непонятно и обидно видеть, что некоторые памятники истории и культуры восстанавливают зарубежные специалисты. Ну неужели мы не можем повысить расценки на реставрационные работы нашим рабочим и воспитать необходимое количество собственных реставрационных коллективов?

...Не так надо реставрировать, чтобы на докольных этажах прекрасных старых домов вдруг появлялась кафельная плитка «кабанчик». И все потому, что у какого-то из московских деятелей был порыв блаженный минуты в жизни связаны с парилкой в Сандунах. И не так надо реставрировать, чтобы тотально сбивать лепнину, литье балконов и вместо удивительных крылечек русского ампира XIX века ставить «модерные» козы-

Редакция «СГ» начала общественное обсуждение проблем, связанных с разработкой Генерального плана развития Москвы и Подмосковья на период до 2010 года. Читатели уже познакомились с мыслями, суждениями директора НИИПИ Генерального плана Москвы В. Иванова, известного писателя Владимира Дудинцева, Героя Социалистического Труда Владислава Серикова («СГ», 28.02.88). Речь идет о кардинальных проблемах развития столичного региона в соответствии с концепцией его комплексного социально-экономического развития. Сегодня мы продолжаем обсуждение.

КОГДА МЫ ГОВОРИМ о великих европейских столицах, перед нами предстают архитектурные образы, ставшие символами того или иного известного своей историей города. Скажи — Рим, вспоминается Колизей. Париж — Нотр-Дам Петербург, Ленинград — представляется Петропавловская крепость, этот меч, вонзенный в небо, на вершине которого трубит победу государства Российского архангел.

Москва — это прежде всего Кремль, Василий Блаженный... Но лик и душу города составляют не только великие памятники, но и архитектурная среда, которая тоже представляет собой историческую значимость. И живую ткань, которую мы тоже должны тщательно оберегать. Когда город как живой организм в дальнейшем росте своем считается с этим, он сохраняет лицо и самобытность.

Москва — это нечто сказочное. От Кремля открывается вид на целое море красоты, я никогда не представлял себе, что на земле может существовать подобный город — так воспринимал нашу столицу норвежский писатель К. Гамсун.

Москва... Каждый ее камень хранит надпись, начертанный временем, богатую мыслями для ученого, патриота и поэта — такой видел ее М. Лермонтов.

Реконструируйте столицу, но так, чтобы не пострадал ни один памятник древнего зодчества, — так считал Владимир Ильич Ленин.

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания... — так обращался к народу исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов.

А вот совсем другое: «Когда ходишь по московским переулкам и закоулкам, то получаешь впечатление, что эти улочки прокладывал пьяный строитель». Это 1931 год. Л. Каганович.

К сожалению, уничтожение исторических памятников Москвы связано с былой практикой ГлавАПУ. И корни этого — в двадцать ошибочной концепции. Одну сторону ее мы уже назвали, процитировав Л. Кагановича. Но есть и вторая сторона. Я убежден и знаю, что в основе деятельности наших архитекторов, особенно в последние пятнадцать — двадцать лет, лежит и неуважение к историческим памятникам Москвы, и слепое следование доктрине Корбюзье-Райта и других.

Когда смотришь книгу «Ле Корбюзье», изданную у нас (изд-во «Прогресс»), с подобием человеческой фигуры на обложке, то поражаешься прямо-таки неугасимой ненависти к устоям всей нашей цивилизации. Корбюзье провозгласил, что все столицы мира построены ослами, а идеалом современной архитектуры должна быть хижина дикаря. И определенными группировками был подхвачен этот нигилизм по отношению к культуре наших предков, так тесно связанной с индоевропейской цивилизацией, греко-римскими заветами.